

ТЕОРИЯ ДЕМОГРАФИИ И МИГРАЦИОЛОГИИ

DOI [10.19181/demis.2024.4.4.1](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.1)

EDN [EFNKXZ](https://edn.ru/EFNKXZ)

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ЗЕРКАЛЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ В 2021 Г.

Мишук С. Н.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: svetamic79@mail.ru

Для цитирования: Мишук, С. Н. Демографические показатели регионов Дальнего Востока в зеркале Всероссийской переписи населения в 2021 г. // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 4. С. 8–25. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.1](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.1). EDN [EFNKXZ](https://edn.ru/EFNKXZ).

Аннотация. Исторически миграция выступает причиной и следствием происходящих процессов на Дальнем Востоке России. Цель данного исследования направлена на оценку изменения показателей миграции в макрорегионе в результате корректировки статистических данных по итогам Всероссийской переписи населения (ВПН) 2020–2021 гг. При расчетах были использованы данные Единой межведомственной информационно-статистической системы. Рассмотрен временной период с 1993 по 2023 г. с более детальным анализом периода с 2011 по 2023 г. На уровне регионов дана оценка миграционных процессов в рамках пятилетних периодов. Период с 2011 по 2021 г. рассмотрен на основе данных до и после их корректировки с учетом итогов Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. Зафиксировано, что корректировка данных на основании переписи населения отразилась как на общей численности населения ДВ, так и на значениях коэффициентов миграции. В региональном разрезе более высокая интенсивность миграции характерна для северных регионов. В абсолютных величинах максимальная разница данных зарегистрирована в Забайкальском крае, минимальная – в Чукотском АО. При учете относительных показателей лидирующее положение занимает Камчатский край. Показано, что корректировка данных с учетом итогов ВПН «ускорила» старение населения в целом по Дальнему Востоку. В территориальном разрезе выделены две группы регионов, одна из которых характеризуется снижением, а другая – увеличением среднего возраста населения. В результате исследования выявлено, что скорректированные данные по итогам переписи населения имеют различия по регионам ДВ и характеризуются положительными и отрицательными значениями.

Ключевые слова: перепись населения, миграция, коэффициенты миграции, средний возраст, Дальний Восток

Введение

Данные Всероссийской переписи населения традиционно представляют интерес для специалистов разных научных дисциплин (демографии, экономики, социологии, истории и др.). В большинстве исследований рассматриваются итоги ВПН, изменение основных демографических, социально-демографических, матричных характеристик населения, а также их региональной дифференциации и ретроспективных изменений [1–3].

Большое внимание в работах уделяется оценке миграции, в том числе на основе данных текущего учета и переписи населения.

На уровне федеральных округов и отдельных регионов многие авторы рассматривают изменение показателей в рамках внутренней и международной миграции [4; 5], анализируют показатели по отдельным регионам [6–8].

Миграционные процессы на Дальнем Востоке исторически играли важную роль в формировании демографического образа региона. В научной литературе множество исследований посвящено изучению динамики миграционных процессов, их причин и следствий, региональным особенностям миграционных процессов, вопросам учета и интерпретации статистических данных о миграции. ДВ и происходящие здесь миграционные процессы на протяжении длительного времени остаются объектом изучения научного сообщества. В подавляющем большинстве авторы анализируют статистические данные или результаты эмпирических исследований, включающих материалы социологических опросов [9–14]. Не менее популярной является тема миграционной политики на Дальнем Востоке, затрагивающая как вопросы сохранения и закрепления жителей в макрорегионе, так и направления увеличения числа прибывающего и сокращения числа выбывающего населения [15–17].

Данная научная статья является продолжением наших более ранних работ, изучающих направления комплексной оценки миграционных процессов на Дальнем Востоке в постсоветский период, включая вопросы количественного анализа потоков мигрантов [18].

Цель настоящего исследования – выявить изменения абсолютных и относительных показателей миграции на Дальнем Востоке России в результате сравнения данных до и после их корректировки с учетом ВПН-2020–2021 гг. Основная гипотеза исследования – в межпереписной период данные текущего учета по всем рассматриваемым демографическим показателям ДВ завышены.

В работе представлен анализ данных в период с 1993 по 2023 г. с более детальным анализом периода с 2011 по 2023 г. На уровне регионов нами оценивались миграционные процессы в рамках пятилетних периодов.

Методика исследования

Работа основана на данных Росстата, базе ЕМИСС. При учете миграционных процессов на Дальнем Востоке необходимо учитывать несколько событий, которые затрагивают общероссийскую и дальневосточную специфику. В 2011 г. произошли изменения в статистическом учете мигрантов [19], в связи с чем число мигрантов возросло. Через 10 лет в базе ЕМИСС данные о численности населения и ряд других демографических показателей были скорректированы в соответствии с итогами Всероссийской переписи 2020–2021 гг. В указанной выше нами базе данные о численности населения, начиная с 2011 г., скорректированы с учетом ВПН.

Кроме того, анализ миграционных процессов на ДВ имеет свои особенности. Учет динамики численности населения и миграционных процессов связан с изменением административной структуры округа, а именно: включением в его состав двух субъектов РФ – Республики Бурятия и Забайкальского края.

В ходе нашего исследования рассчитаны коэффициенты миграции субъектов ДФО в рамках пятилетних периодов. Вследствие изменений в статистическом учете один период охватывает 7 лет (с 2011 по 2017 г.).

При расчетах были использованы данные Единой межведомственной информационно-статистической системы. Период с 2011 по 2021 г. рассмотрен на основе данных до и после их корректировки с учетом итогов Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. За 2022–2023 гг. применены данные текущего статистического учета.

Работа включает два раздела. В первом представлены результаты анализа абсолютных и относительных показателей миграции в целом по Дальнему Востоку за рассматриваемый период, в том числе сравнительный анализ изменения коэффициентов миграции с учетом результатов пересчета данных по итогам ВПН 2020–2021 гг. Во второй части приведены результаты расчета основных коэффициентов миграции в регионах ДВ в рамках выделенных временных периодов.

В настоящей статье отражены региональные особенности изменения показателей миграции на Дальнем Востоке после корректировки данных на основе результатов ВПН 2020–2021 гг.

Для анализа использовались следующие показатели:

- среднегодовая численность населения с 1992 по 2023 г. по Дальнему Востоку и его отдельным регионам;
- число прибывших и выбывших с 1992 по 2023 г. по Дальнему Востоку и его отдельным регионам;
- число прибывших и выбывших по полу и возрасту (однолетние возрастные группы) за 2013–2021 г. по Дальнему Востоку и его отдельным регионам.

Дополнительно оценивались данные о среднем возрасте населения, естественном приросте населения ДВ.

Исследование основано на применении статистического, индексного, графического методов.

Результаты исследования

Характеристика миграции на Дальнем Востоке в целом

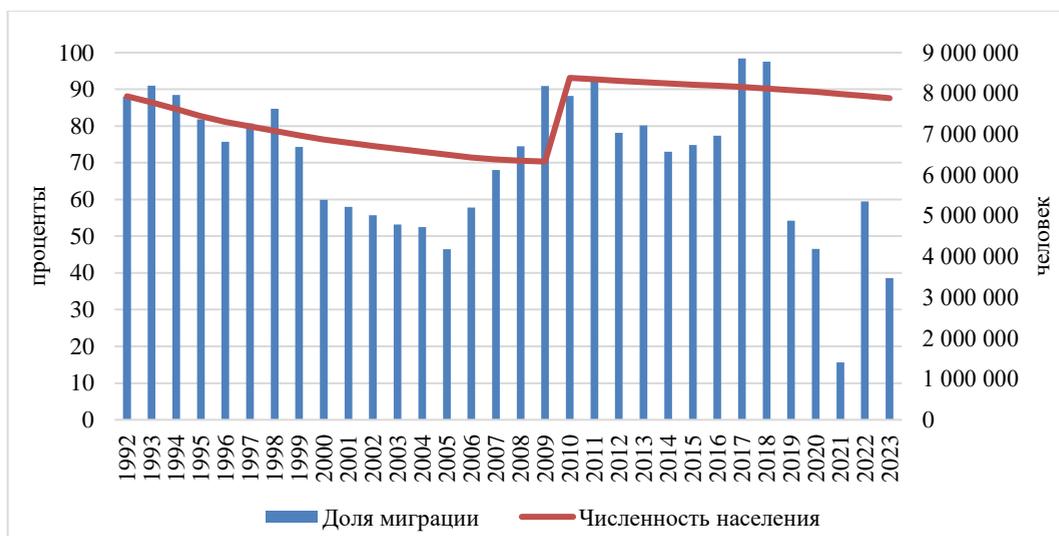
Дальневосточный регион в целом традиционно играет важную роль в миграционных процессах России. В то же время исторически миграция выступает причиной и следствием происходящих здесь процессов.

На рис. 1 отражено изменение доли миграции в формировании общего прироста (убыли) населения ДВ. За исключением нескольких лет (2005, 2020, 2021 и 2023 гг.) миграционная убыль составляла более 50%.

Снижение доли миграции в 2020–2021 гг. связано с ростом естественной убыли населения в связи с пандемией COVID-19. В 2023 г. миграционная убыль населения снизилась более, чем в 2,6 раза по отношению к уровню 2022 г., однако была все же выше, чем естественная убыль населения.

Высокие значения доли миграции в формировании динамики численности населения Дальнего Востока объясняются внушительными показателями числа выбывшего населения, что отразилось на миграционной убыли. Если максимальные пики естественной убыли населения отмечались в пределах 24 тыс. человек в начале

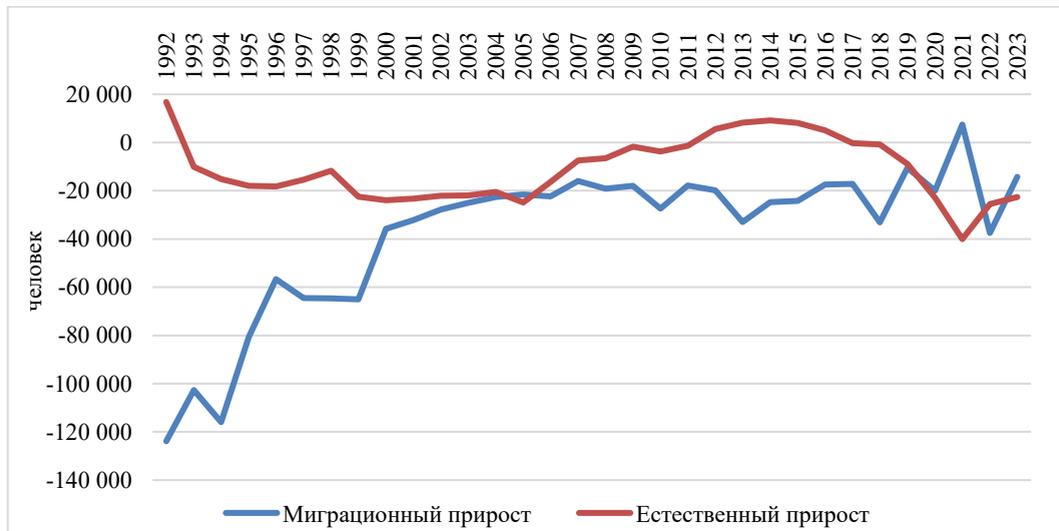
2000-х гг. и в начале 2020-х гг., за исключением 2021 г. со значением более 40 тыс. человек, то показатели миграционной убыли колебались от максимального значения в 1992 г. – около 124 тыс. человек до 7,4 тыс. человек – в 2021 г. (рис. 2).

Рис. 1. Численность населения и доля миграции на ДВ, 1992–2023 гг. (%)

Fig. 1. Population and migration share in the Far East, 1992–2023 (%)

Источник: составлено автором по данным Росстата

Рис. 2. Миграционный и естественный прирост населения ДВ (человек)

Fig. 2. Migration and natural population growth in the Far East (people)

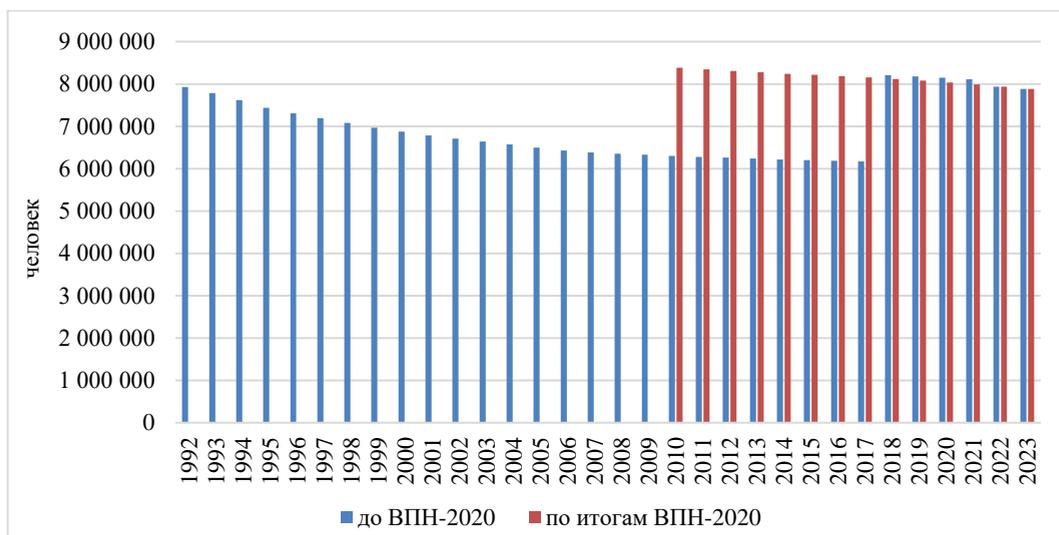
Источник: составлено автором по данным Росстата

Корректировка данных по итогам Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг.

Корректировка данных на основании ВПН-2020–2021 отразилась как на общей численности населения ДВ, так и на показателях основных коэффициентов

миграции, которые чаще всего рассчитываются с использованием данных о среднесписочной численности населения, в частности коэффициентов прибытия и выбытия, коэффициента интенсивности миграционного оборота и миграционного прироста.

Обратим внимание на то, что при корректировке данных в текущем учете численность населения Дальнего Востока была пересчитана, начиная с 2010 г., и включала численность населения Республики Бурятия и Забайкальского края, которые вошли в состав ДФО в ноябре 2018 г. Соотношение данных о численности населения в девяти и одиннадцати регионах ДВ показано на рис. 3. Увеличение численности населения повлияло на снижение значений коэффициентов.

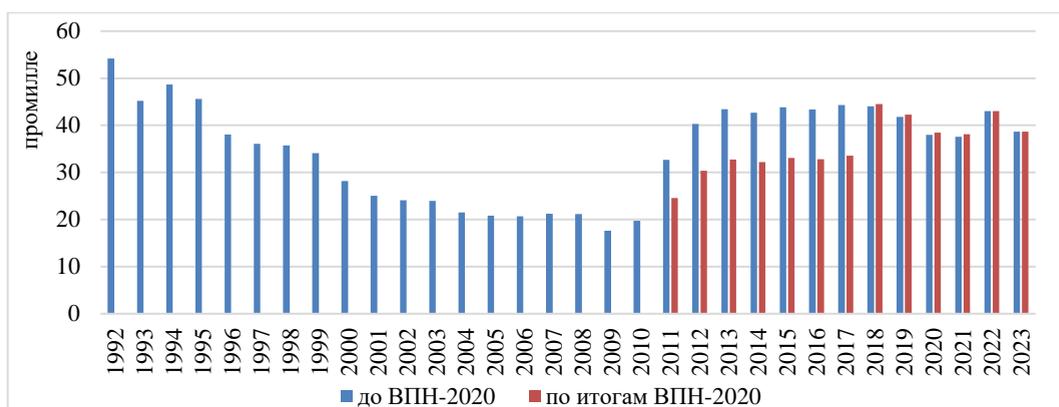
Рис. 3. Численность населения ДВ (человек)

Рис. 3. Population in the Far East (people)

Источник: составлено автором по данным Росстата

Численность прибывших и выбывших не изменилась с учетом результатов ВВП 2020–2021 гг., поэтому значения коэффициентов прибытия, выбытия, интенсивности миграционного оборота и миграционного прироста в период с 2011 по 2017 г., по данным Всероссийской переписи населения 2020–2021, были ниже, чем данные без корректировки. Согласно данным ЕМИСС, начиная с 2018 г., в числе прибывших и выбывших учитываются данные по 11 регионам, включая Республику Бурятия и Забайкальский край.

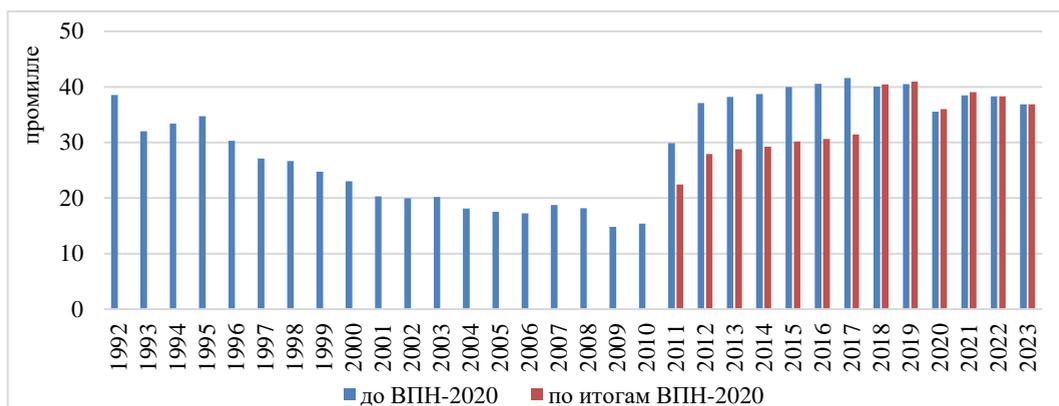
Такой ряд статистических данных с 2018 г. формирует скачок значений рассчитанных коэффициентов, что не является объективным процессом изменения демографических показателей, а отражает лишь методические особенности формирования ряда первичных данных (рис. 4, 5, 6).

Рис. 4. Коэффициент выбытия на ДВ (%)

Рис. 4. Migration attrition rate in the Far East (%)

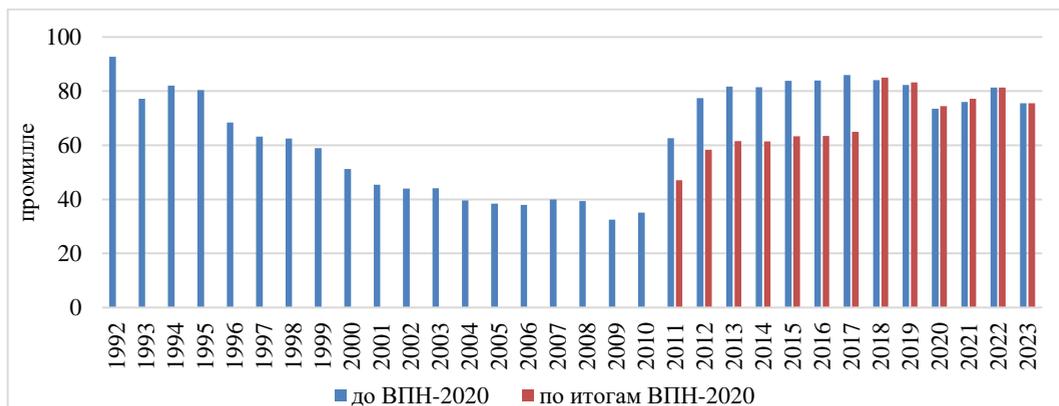
Источник: составлено автором по данным Росстата

Рис. 5. Коэффициент прибытия на ДВ (%)

Рис. 5. Far East arrival rate (%)

Источник: составлено автором по данным Росстата

Рис. 6. Коэффициент интенсивности миграционного оборота на ДВ (%)

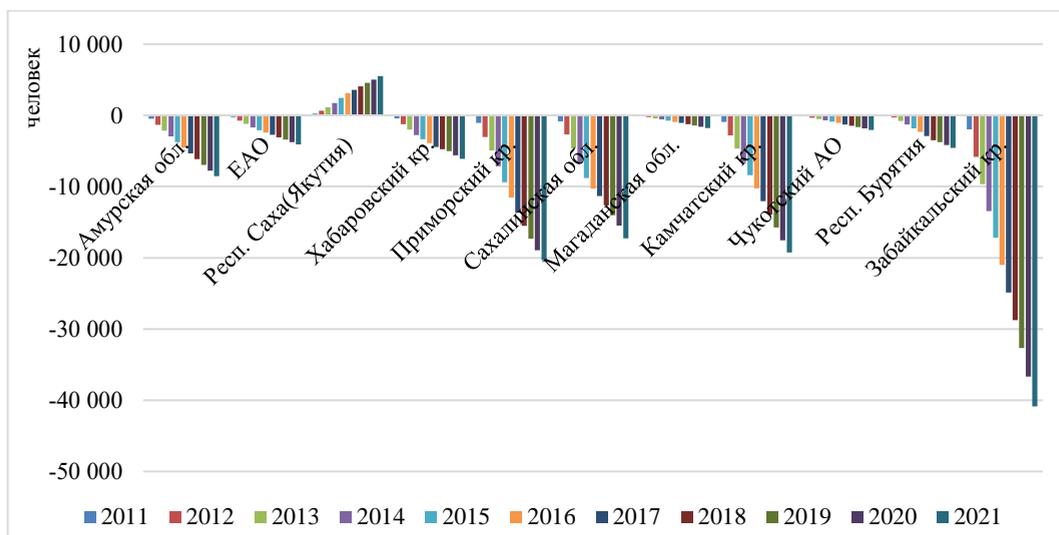
Рис. 6. The coefficient of migration traffic intensity in the Far East (%)

Источник: составлено автором по данным Росстата

Полученные результаты расходятся с выводами В. К. Чернышева о том, что в регионах, характеризующихся сокращением численности населения, по итогам переписи населения, в большинстве случаев отмечается недоучет миграционной убыли [4]. В рамках нашего анализа показано, что расчетные коэффициенты миграции ДВ с учетом данных переписи ниже, чем до ее проведения.

Принимая во внимание территориальную неоднородность демографических показателей Дальнего Востока, нами были рассчитаны показатели для его одиннадцати регионов.

Различия между данными до и после коррекции с учетом результатов ВПН 2020–2021 гг. по Дальневосточным регионам представлены на рис. 7.

Рис. 7. Изменение численности населения регионов ДВ после учета итогов ВПН-2020–2021 (человек)

Рис. 7. Population change of regions of the Far East according to the results of the 2020–2021 Census (people)

Источник: составлено автором по данным Росстата

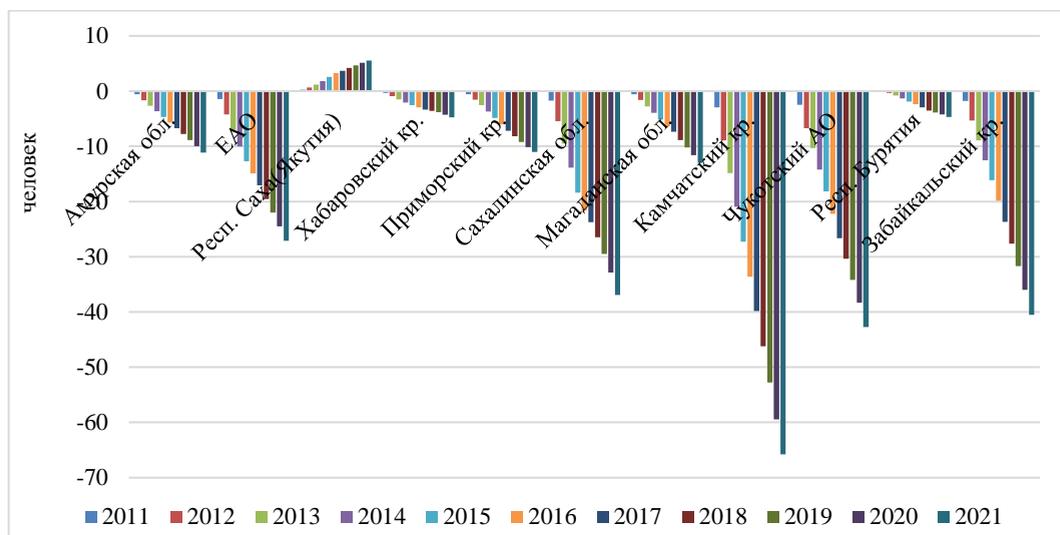
При оценке численности населения до и после учета данных ВПН обращает на себя внимание увеличение разницы между рядами данных в рассматриваемый период с 2011 по 2021 г. с максимальным расхождением в годы, близкие к дате проведения переписи населения.

В Республике Саха (Якутия) данные о среднегодовой численности населения в течение всего рассматриваемого периода были выше полученных результатов по переписи, что отличает ее от других регионов, где показатели численности населения были ниже, чем данные, скорректированные по итогам ВПН 2020–2021 гг. Несмотря на скорректированные данные, численность населения на 1 января 2024 г.

достигла 1001664 человек^{1,2}. Отметим, что до коррекции данных в соответствии с итогами ВПН численность населения в республике составляла 1 048 476 человек.

В абсолютном выражении максимальная разница в данных зарегистрирована в Забайкальском крае, минимальная – в Чукотском АО (рис. 7).

При сравнении относительных показателей определены другие регионы с максимальными и минимальными показателями. В расчете на 1 000 жителей максимальная разница данных в 2011 г. и 2021 г. зафиксирована в Камчатском крае, минимальная – в Республике Бурятия (рис. 8).

Рис. 8. Изменение численности населения регионов ДВ после учета итогов ВПН-2020–2021, на 1 тыс. жителей (человек)

Pic. 8. Population change of regions of the Far East according to the results of the 2020–2021 Census, by 1 thousand population (people)

Источник: составлено автором по данным Росстата

Характеристика миграционных процессов на региональном уровне

На уровне Дальневосточных регионов мы оценивали миграционные процессы в рамках пятилетних периодов за исключением периода с 2006 по 2010 гг.

Прежде чем анализировать изменения коэффициентов миграции по регионам ДВ до и после 2011 г., напомним, что в настоящее время необходимо учитывать два фактора: изменение методики учета мигрантов и корректировку данных по результатам ВПН 2020–2021 гг.

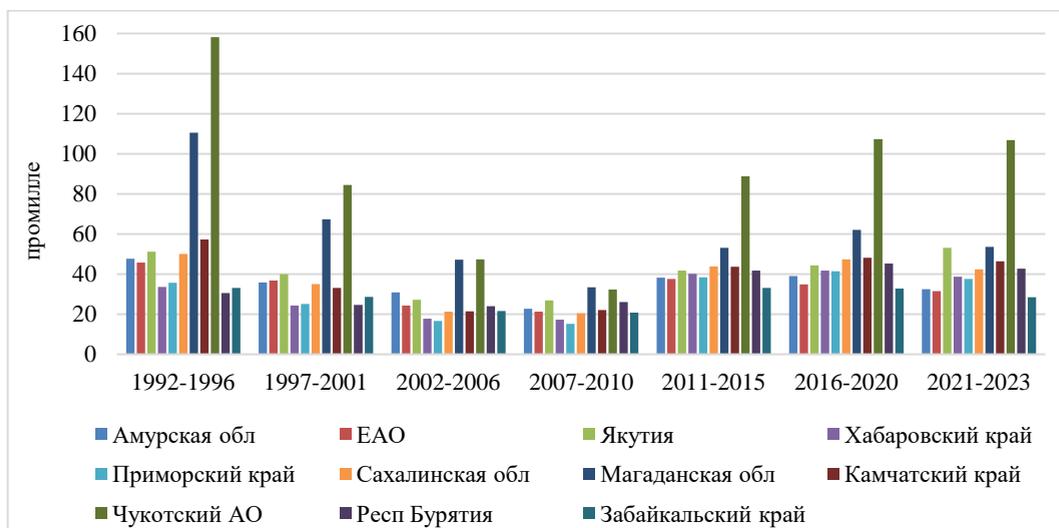
Влияние методики учета населения на показатели миграции подробно рассмотрено в работе Н. В. Мкртчяна [20]. Подчеркнем, что существенные изменения отмечались в учете числа прибывающих мигрантов. На примере учета мигрантов в

¹ Айсен Николаев объявил о рождении миллионного жителя Якутии // Якутия. Инфо : [сайт]. URL: <https://yakutia.info/article/209626> (дата обращения: 15.09.2024).

² Численность и состав населения // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия) : [сайт]. URL: https://14.rosstat.gov.ru/chisl_sostav (дата обращения: 15.09.2024).

сельской местности ДВ [21] было продемонстрировано, что среди прибывшего населения 37% учтены автоматически по причине «возвращение после временного отсутствия».

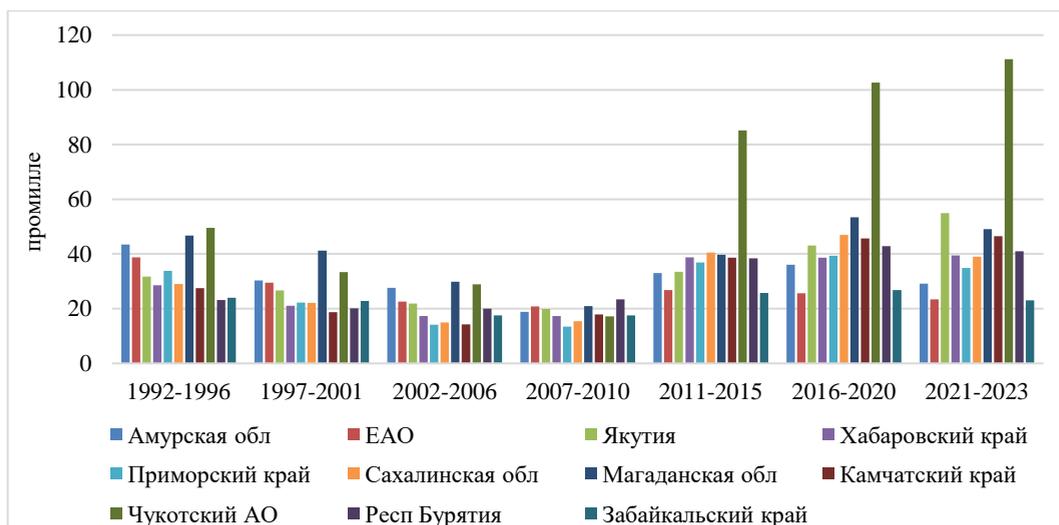
Корректировка данных по итогам ВПН, как было представлено выше на примере генерализованных показателей за весь рассматриваемый период для Дальнего Востока, приводила к снижению показателей коэффициентов прибытия и выбытия. В региональном разрезе, начиная с 2011 г., увеличилось значение коэффициентов выбытия и прибытия, интенсивности миграционного оборота (рис. 9–11).

Рис. 9. Коэффициент выбытия по регионам ДВ (%)

Рис. 9. Migration attrition rate by Far East region (%)

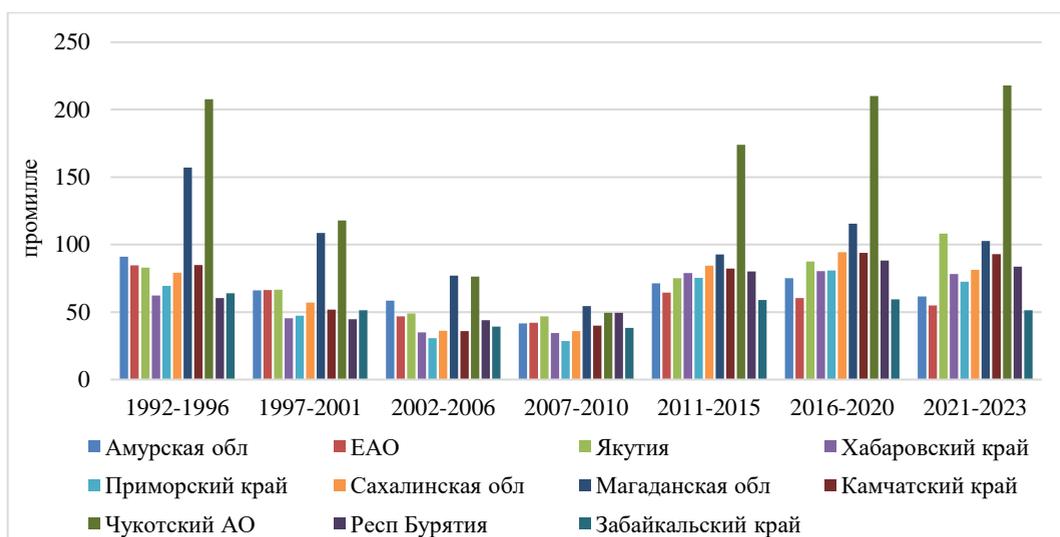
Источник: составлено автором по данным Росстата

Рис. 10. Коэффициент прибытия по регионам Дальнего Востока (%)

Рис. 10. The rate of arrival by Far East region (%)

Источник: составлено автором по данным Росстата

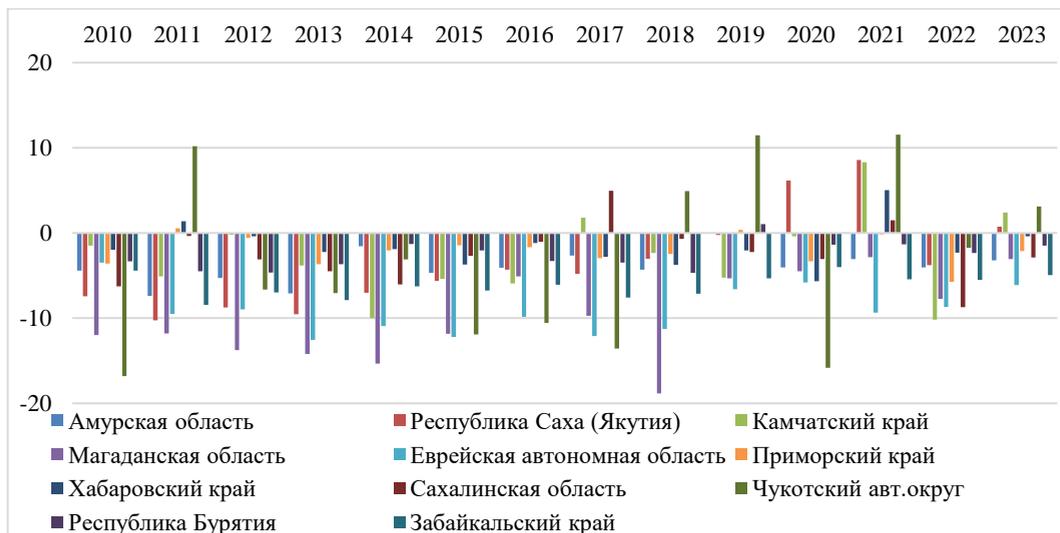
Рис. 11. Коэффициент интенсивности миграционного оборота по регионам ДВ (%)

Рис. 11. Coefficient of the migration traffic intensity in the regions of the Far East (%)

Источник: составлено автором по данным Росстата

Среди регионов высокие значения выбытия и прибытия, и, как результат, миграционного оборота, отмечаются в Чукотском АО, Республике Саха (Якутия), Магаданской области. Наименьшие – в Еврейской АО и Республике Бурятия.

Привлекает внимание факт формирования положительных значений коэффициента миграционного прироста в большинстве северных регионов ДВ, начиная с 2017 г. (рис. 12).

Рис. 12. Коэффициент миграционного прироста по регионам ДВ (%)

Рис. 12. Migration growth rate by regions of the Far East (%)

Источник: составлено автором по данным Росстата

Таким образом, изменение методики учета миграции, а также корректировка данных с учетом результатов Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. не повлияли на снижение показателей миграционной активности на ДВ. При этом более высокая интенсивность миграции характерна для его северных территорий.

Реализация государственной политики по развитию инвестиционных проектов на Дальнем Востоке, активное развитие строительного, логистического и промышленного комплексов повлияли на формирование потоков мигрантов, сохранение и расширение масштабов вахтового метода работы, что отражается на увеличении числа мигрантов в ряде инвестиционно привлекательных регионов ДВ и сохранении в них миграционного прироста.

Анализ данных за 2022–2023 гг.

Рассмотрим изменение численности и возрастной структуры населения на начало 2022 и 2023 гг. При расчете численности населения регионов Дальнего Востока на 1 января 2023 г. учтены итоги ВПН 2020–2021 гг., содержащиеся в сборнике «Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту». Корректировка данных с учетом результатов Всероссийской переписи населения повлияла на сокращение числа регионов, характеризующихся приростом численности населения. Если на начало 2022 г. прирост численности населения был зарегистрирован в трех регионах (Республика Саха (Якутия), Камчатский край и Чукотский АО), то на начало 2023 г. положительные значения сохранились лишь в Республике Саха (Якутия) (табл. 1).

Таблица 1

Сальдо численности населения регионов Дальнего Востока, на 1 января*

Table 1

Balance of population in the Far East, as of 1 January

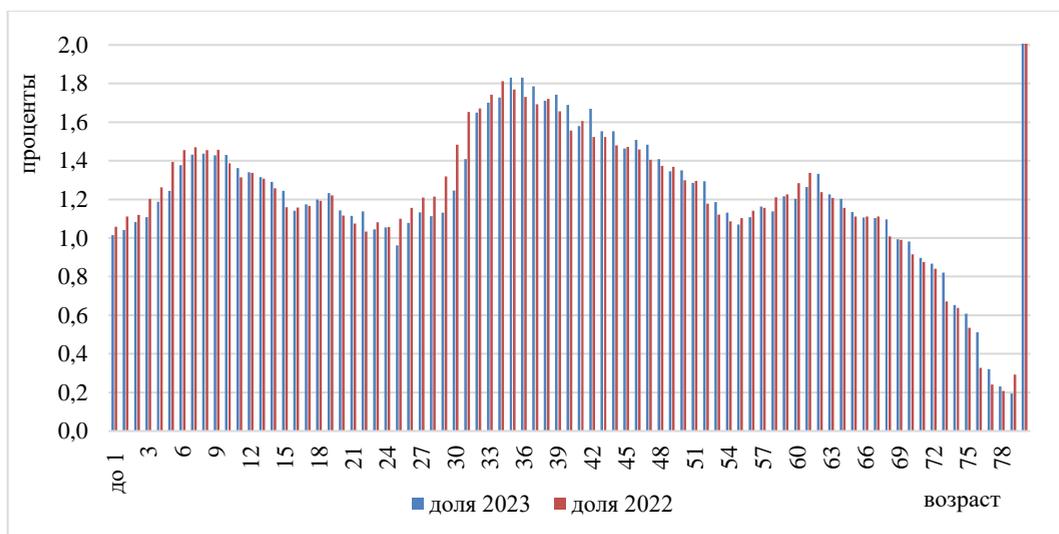
Регион	2023 г. к 2022 г.	2022 г. к 2021 г.
Дальний Восток	-187,4	-32,8
Республика Бурятия	-8,0	-2,8
Республика Саха (Якутия)	5,5	10,1
Забайкальский край	-51,0	-10,0
Камчатский край	-24,0	1,0
Приморский край	-42,9	-14,8
Хабаровский край	-14,9	-2,1
Амурская область	-16,3	-9,3
Магаданская область	-3,5	-1,3
Сахалинская область	-23,6	-1,4
Еврейская автономная область	-6,4	-2,7
Чукотский автономный округ	-2,2	0,5

* Данные за 2021 г. и 2022 г. без учета итогов ВПН 2020–2021 гг., по состоянию на 01.10.2021 г.

Источник: составлено автором по данным Росстата³

³ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (дата обращения: 15.09.2024).

Учет результатов ВПН-2020–2021 гг. не изменил преобладающие возрастные группы населения ДВ. На начало 2022 и 2023 гг. максимальная доля приходилась на возрастные группы от 31 до 47 года, от 6 до 10 лет (рис. 13).

Рис. 13. Возрастная структура населения ДВ в 2022–2023 гг. (%)

Fig. 13. Age structure of the population of Far East in 2022–2023 (%)

Источник: составлено автором по данным Росстата

На рис. 14 показано изменение населения по возрастам – от рождения до группы 80 лет и старше. Проведен расчет разницы численности населения в каждой возрастной группе на начало 2022 г. к уровню января 2021 г., а также на начало 2023 г. к январю 2022 г. Данные за 2023 г. скорректированы с учетом итогов ВПН-2020–2021 гг. В возрастной структуре населения регионов Дальнего Востока корректировка статистических данных с учетом ВПН на начало 2023 г. в сравнении с январем 2022 г. продемонстрировала более значимое уменьшение численности населения в отдельных возрастах, при относительно равной численности населения в других.

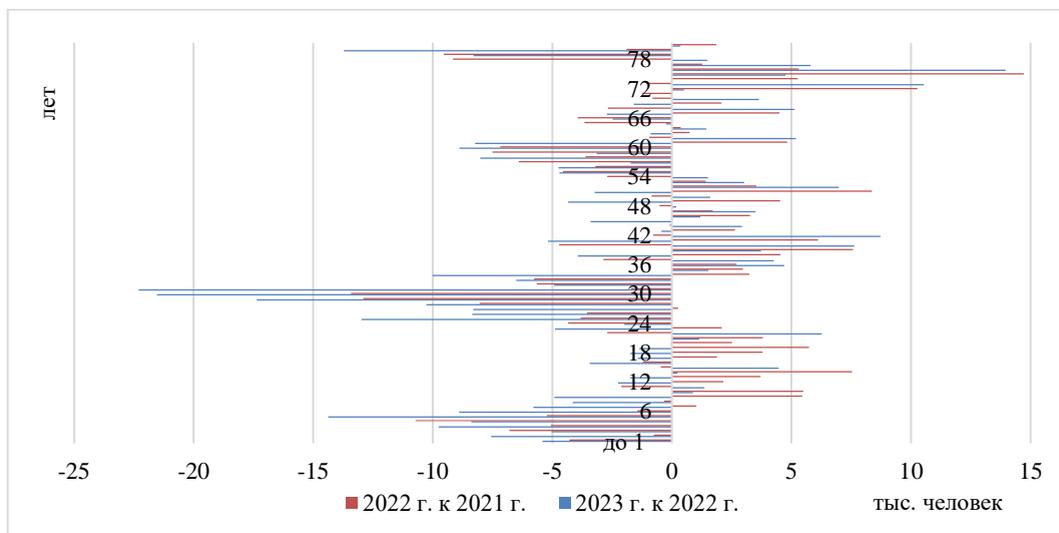
Сравнительный анализ данных на начало 2023 г. и 2022 г. выявил, что общая численность населения ДВ сократилась более чем на 187 тыс. человек к соответствующему периоду прошлого года. Убыль населения на начало 2022 г. составила 32,8 тыс. человек к уровню 2021 г., при этом изменения в разных возрастных группах имели различия в объемах и направлениях динамики.

Максимальное расхождение численности населения на начало 2022 г. и 2023 г. зарегистрировано в возрасте 30–31 год и 76 лет. Если в первой группе расхождение было со знаком минус, то есть в 2023 г. данная группа сократилась к уровню 2022 г., то доля населения в возрасте 76 лет на начало 2023 г. была больше в сравнении с предыдущим годом.

Кроме того, особо следует отметить изменение знаков сальдо численности населения в отдельных возрастных группах. Изменение сальдо с положительного на отрицательное или наоборот по данным разности 2023 г. к уровню 2022 г. и

2022 г. к уровню 2021 г. получено в возрастных группах: 7, 9, 11–13, 17–20, 23, 27, 34, 37–38, 40–45, 50–51, 54, 61–63, 67–71, 73, 78 лет. В большинстве указанных возрастных групп сальдо имело отрицательное значение, то есть менялось с положительного по данным разности 2022 и 2021 гг. на отрицательное в 2023 г. к уровню 2022 г.

Положительное значение разности в 2023 г. отмечалось в группе с 35 до 54 лет за исключением нескольких возрастных групп, а также 70–78 лет.

Рис. 14. Возрастной состав населения ДВ на начало года (тыс. человек)
Рис. 14. Age structure of the population of Far East at the beginning of the year
(thousand people)

Источник: составлено автором по данным Росстата⁴

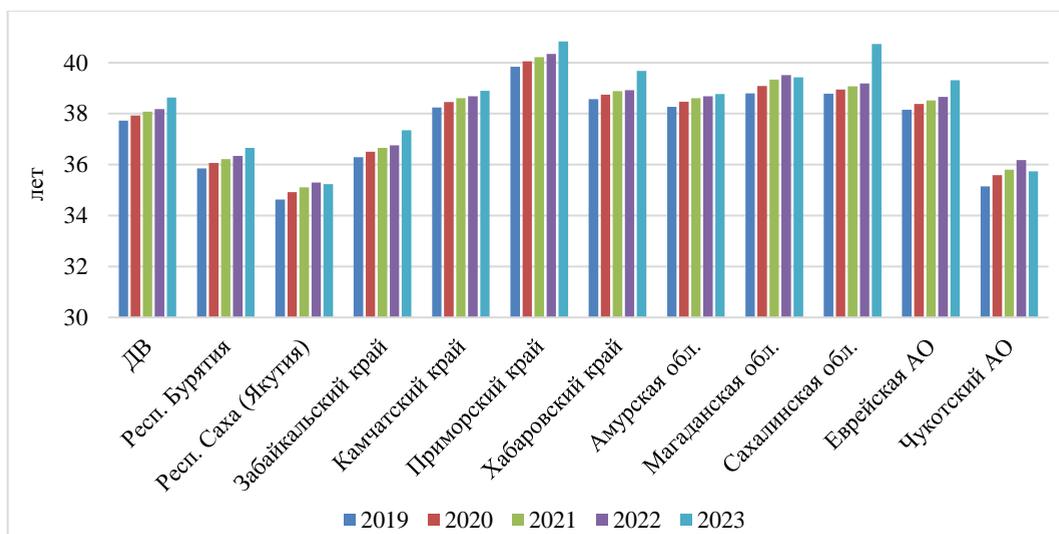
Учет данных Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. «ускорил» старение населения. На начало 2023 г. средний возраст населения Дальнего Востока составил 38,6 лет.

На изменение среднего возраста влияют несколько причин: снижение рождаемости, рост продолжительности жизни, миграционный отток более молодого населения. Эти факторы приводили к устойчивому повышению среднего возраста населения на ДВ на протяжении постсоветского периода.

Как видно на рисунке 15, в период с января 2019 г. по январь 2022 г. значения роста среднего возраста населения ДВ в целом и его регионов сокращались, однако с учетом итогов ВПН 2020–2021 гг. динамика изменилась. Если в целом по Дальнему Востоку увеличение среднего возраста в период с начала 2022 г. по начало 2023 г. превысило показатели предыдущих лет, то в региональном разрезе отмечались различия. В трех регионах (Чукотском АО, Магаданской области и Республике Саха (Якутия)) средний возраст снизился. В семи регионах (Сахалинская область, Хабаровский, Приморский, Забайкальский и Камчатский края, Республика

⁴ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (дата обращения: 15.09.2024).

Бурятия, ЕАО) на начало 2023 г. темпы роста среднего возраста были выше, чем в период с 2019 по 2022 гг. В Амурской области рост среднего возраста населения был ниже, чем в период с 2019 по 2021 гг. и немного превысил значения 2022 г.

Рис. 15. Средний возраст населения по регионам ДВ (лет)

Рис. 15. The average population age of the Far East (years)

Источник: составлено автором по данным Росстата⁵

Таким образом, на начало 2023 г. с учетом корректировки данных в соответствии с результатами ВПН 2020–2021 гг. отмечался более быстрый рост среднего возраста населения в целом по ДВ и в большинстве его регионов, сокращалось число лиц до 10 лет, от 23 до 34 лет, от 55 до 61 года. Кроме того, происходил рост числа населения в большинстве групп старше 35 лет.

Заключение

Корректировка данных по итогам Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. отразилась на учете демографических показателей регионов Дальнего Востока. Однако предположение о том, что в межпереписной период данные по всем показателям были завышены не подтверждается. Расширение административно-территориальных границ ДВ в 2018 г. сказалось на его демографических показателях и привело к определенному искажению данных. Более качественные оценки о ситуации на Дальнем Востоке можно получить через анализ региональных показателей.

В региональном разрезе более высокая интенсивность миграции характерна для северных территорий. Среди регионов высокие значения выбытия и прибытия, и, как результат, миграционного оборота, отмечаются в Чукотском АО, Республике

⁵ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (дата обращения: 15.09.2024).

Саха (Якутия), Магаданской области. Наименьшие значения – в Еврейской АО и Республике Бурятия.

В отличие от других Дальневосточных регионов, в Республике Саха (Якутия) показатели среднегодовой численности населения по данным текущего учета были выше полученных результатов по переписи 2020–2021 гг. Помимо этого, в Республике Саха (Якутия), в Чукотском АО и Магаданской области значения среднего возраста населения при учете результатов Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. сократились.

Вероятно, отмеченные демографические показатели объясняются более активным развитием северных территорий Дальнего Востока, что отражается на создании новых рабочих мест, в том числе занимаемых мигрантами.

Список литературы

1. Андреев, Е. М. Результаты Всероссийской переписи населения 2021 года в свете статистики текущего учета населения и переписей предыдущих лет / Е. М. Андреев, Е. В. Чурилова // Демографическое обозрение. 2023. Т. 10, № 3. С. 4–20. EDN [XYSZBL](#). DOI [10.17323/demreview.v10i3.17967](#).
2. Мкртчян, Н. В. Динамика населения регионов России и роль миграции: критическая оценка на основе переписей 2002 и 2010 гг. // Известия РАН. Серия географическая. 2011. № 5. С. 28–41. EDN [OJBVTP](#).
3. Китова, К. А. Влияние миграции на население Московского региона от переписи 1989 г. к переписи 2010 г. // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2013. № 11. С. 152–179. EDN [PPTPDY](#).
4. Чернышев, К. А. Миграционный прирост в регионах России: оценка на основе текущего учета и переписей населения 2010 и 2020–2021 годов // Региональная экономика: теория и практика. 2023. Т. 21, № 11 (518). С. 2178–2198. EDN [GIEOCO](#). DOI [10.24891/re.21.11.2178](#).
5. Маньшин, Р. В. Влияние международной трудовой миграции на сбалансированность региональных рынков труда / Р. В. Маньшин, Е. М. Моисеева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 209–230. EDN [VSKTQI](#). DOI [10.19181/demis.2023.3.4.13](#).
6. Сукнева, С. А. Внутрирегиональная село-городская миграция в Республике Саха (Якутия) / С. А. Сукнева, А. В. Трубина // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 32. С. 139–144. EDN: [KWIADV](#).
7. Макарь, С. В. Пространственное развитие Дальнего Востока России: демографические и социально-экономические факторы / С. В. Макарь, А. В. Ярашева, Ю. А. Симагин // Народонаселение. 2021. Т. 24, № 1. С. 117–130. DOI [10.19181/population.2021.24.1.11](#). EDN [BIREHT](#).
8. Воробьева, О. Д. Рынок труда и миграция населения Дальнего Востока // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 2 (204). С. 35–40. EDN [YQYTZV](#).
9. Рязанцев, С. В. Миграция в контексте демографического развития российского Дальнего Востока / С. В. Рязанцев, Е. М. Моисеева // Вестник Российской академии наук. 2022. Т. 92, № 2. С. 150–161. EDN [FDUYPD](#). DOI [10.31857/S0869587321030075](#).
10. Занданова, Л. В. Документы федеральных архивов как источник изучения добровольных миграций сельского населения в Сибирь и на Дальний Восток в 1930-е гг. / Л. В. Занданова, Я. В. Кулакова // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 491. С. 115–124. EDN [GKWCIE](#). DOI [10.17223/15617793/491/14](#).
11. Говорухин, Г. Э. Оценка миграционной активности жителей Хабаровского края в ее метафизическом основании // Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств. 2024. № 1 (2). С. 52–700. EDN [ZDWKXM](#).
12. Зубков, В. В. Миграционные представления населения: декларируемая тенденция или объективная реальность // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 2 (87). С. 85–92. EDN [TQRUIR](#). DOI [10.22394/1818-4049-2019-87-2-85-92](#).

13. Рыбаковский, О. Л. Миграционная ситуация на Дальнем Востоке России в начале XXI века / О. Л. Рыбаковский, О. А. Таюнова // Народонаселение. 2019. Т. 22, № 3. С. 4–14. EDN [TKGVHP](#). DOI [10.24411/1561-7785-2019-00023](#).

14. Зорин, Д. П. Миграционные процессы на российском Дальнем Востоке: основные тренды, структура и последствия / Д. П. Зорин, В. А. Медведь // Труд и социальные отношения. 2023. Т. 34, № 4. С. 159–171. DOI [10.20410/2073-7815-2023-34-4-159-171](#). EDN [KOWALO](#).

15. Мищук, С. Н. Институциональная структура обеспечения миграционной политики в субъектах Дальневосточного федерального округа // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18, № 2. С. 151–161. EDN [VWRLN](#). DOI [10.19181/lsprr.2022.18.2.1](#).

16. Бляхер, Л. Е. Внутренняя миграция как политическая проблема, или как и почему уезжают жители Дальнего Востока России / Л. Е. Бляхер, К. В. Григоричев // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2020. № 1 (96). С. 74–97. EDN [ANZPQZ](#). DOI [10.30570/2078-5089-2020-96-1-74-97](#).

17. Ващук, А. С. Политика привлечения иностранных трудовых мигрантов на Дальний Восток России: между прагматическим курсом и стратегией безопасности (конец XX – начало XXI в.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 4 (51). С. 122–134. EDN [XSUPJI](#). DOI [10.24866/1998-6785/2019-4/122-134](#).

18. Мищук, С. Н. Общая характеристика и региональные различия миграционных процессов на Дальнем Востоке России в постсоветский период // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. № 6. С. 53–67. DOI [10.31857/S2587-55662019653-67](#). EDN [FHFEGL](#).

19. Кашицкий, И. С. Влияние изменений в правилах учета миграции в 2011 г. на оценку интенсивности миграции молодежи: когортно-компонентный анализ // Демографическое обозрение, 2017. Т. 4, № 1. С. 83–97. EDN [ZGFNKF](#). DOI [10.17323/demreview.v4i1.6989](#).

20. Мкртчян, Н. В. Проблемы в статистике внутрироссийской миграции, порожденные изменением методики учета в 2011 г. // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7, № 1. С. 83–99. EDN [ZLDEXI](#). DOI [10.17323/demreview.v7i1.10821](#).

21. Мищук, С. Н. Миграция сельского населения Дальнего Востока России в начале XXI века / С. Н. Мищук, С. В. Рязанцев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14, № 3. С. 182–198. EDN [MWCCKT](#). DOI [10.15838/esc.2021.3.75.11](#).

Сведения об авторе

Мищук Светлана Николаевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: svetamic79@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-8117-6352](#); РИНЦ SPIN-код: [4557-0664](#); Web of Science Researcher ID: [B-2042-2014](#); Scopus Author ID: [55646634400](#).

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № [24-28-01046](#).

Статья поступила в редакцию 10.09.2024; принята в печать 08.11.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

DEMOGRAPHIC INDICATORS OF THE FAR EASTERN REGIONS IN THE MIRROR OF THE 2021 ALL-RUSSIAN POPULATION CENSUS

Svetlana. N. Mishchuk

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: svetamic79@mail.ru

For citation: Michshuk, Svetlana N. Demographic Indicators of the Far Eastern Regions in the Mirror of the 2021 All-Russian Population Census. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 4. Pp. 8–25. DOI [10.19181/demis.2024.4.4.1](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.1).

Abstract. Historically, migration is both a cause and a consequence of the processes taking place in the Russian Far East. The objective of this study is to assess changes in migration indicators in the Far East based on the adjustment of statistical data based on the results of the 2020–2021 All-Russian Population Census. The calculations were made using data from the Unified Interdepartmental Information and Statistical System. The period from 1993 to 2023 is considered with a detailed analysis of the period from 2011 to 2023. An assessment of migration processes is given within five-year periods at the regional level. The period from 2011 to 2021 is considered based on data before and after the change in data, considering the results of the 2020–2021 All-Russian Population Census. It is shown that the change in data based on the census affected both the total population of the Far East and the values of migration rates. In the regional context, a higher migration intensity is typical for the northern regions. The maximum difference in absolute indicators was recorded in the Zabaykalsky Krai, the minimum – in the Chukotka Autonomous Okrug. When considering relative indicators, the leading position is held by the Kamchatka Krai. It is shown that the adjustment of data considering the results of the 2020 All-Russian Population Census “accelerated” the aging of the population in the Far East. Two groups were identified among the regions. One of them is characterized by a decrease, and the other by an increase in the average age of the population. The study showed that the adjusted data based on the results of the population census differ by region in the Far East and are characterized by positive and negative values.

Keywords: population census, migration, migration rates, average age, Far East

References

1. Andreev, E. M. The Results of the 2021 All -Russian Population Census in the Light of Civil Registration Statistics and Censuses of Previous Years / E. M. Andreev, E. V. Churilova. *Demographic Review*. 2023. Vol. 10, No. 3. Pp. 4–20. DOI [10.17323/demreview.v10i3.17967](https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17967). (In Russ.).
2. Mkrtchyan, N. V. Dynamic of the Russian Region Population and the Role of Migration: Critical Evaluation on the Base of Census. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series]*. 2011. No. 5. Pp. 28–41. (In Russ.).
3. Kitova, K. A. Influence of Migration on the Moscow Region Population in the Period from Census of 1989 to Census of 2010. *Scientific Articles – Institute of Economic Forecasting Russian Academy of Sciences*. 2013. No. 11. Pp. 152–179. (In Russ.).
4. Chernyshev, K. A. Migration Balance in Russian Regions: Estimates Based on Current Vital Statistics and 2010 and 2020–2021 Census Surveys Data. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2023. Vol. 21, No. 11 (518). Pp. 2178–2198. DOI [10.24891/re.21.11.2178](https://doi.org/10.24891/re.21.11.2178) (In Russ.).
5. Manshin, R. V. The Impact of International Labor Migration on the Balance in Regional Labor Markets / R. V. Manshin, E. M. Moiseeva. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 4. Pp. 209–230. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.13](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.13). (In Russ.).
6. Sukneva, S. A. Vnutriregional'naya sel'sko-gorodskaya migratsiya v Respublike Sakha (Yaku-tiya) [Interregional rural-urban migration in the Sakha (Yakutia) Republic] / S. A. Sukneva, A. V. Trubina. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2009. No. 32. Pp. 139–144. (In Russ.).
7. Makar, S. V. Spatial Development of the Russian Far East: Demographic and Socio-Economic Factors / S. V. Makar, A. V. Yarasheva, Yu. A. Simagin. *Population*. 2021. Vol. 24, No. 1. Pp. 117–130. DOI [10.19181/population.2021.24.1.11](https://doi.org/10.19181/population.2021.24.1.11). (In Russ.).
8. Vorob'yova, O. D. Labour Market and Migration in the Far East. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2017. Vol. 13, No. 2. Pp. 35–40. (In Russ.).
9. Ryazantsev, S. V. Migratsiya v kontekste demograficheskogo razvitiya rossiyskogo Dal'nego Vostoka [Migration in the Context of the Demographic Development of the Russian Far East] / S. V. Ryazantsev, E. M. Moiseeva. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]*. 2022. Vol. 92, No. 2. Pp. 150–161. DOI [10.31857/S0869587321030075](https://doi.org/10.31857/S0869587321030075). (In Russ.).
10. Zandanova, L. V. Documents of Federal Archives as a Source for Studying Rural Population's Voluntary Migrations to Siberia and the Far East in the 1930s. / L. V. Zandanova, Ya. V. Kulakova. *Tomsk State University Journal*. 2023. No. 491. Pp. 115–124. DOI [10.17223/15617793/491/14](https://doi.org/10.17223/15617793/491/14). (In Russ.).
11. Govorukhin, G. E. Assessment of the Migration Activity of Residents of the Khabarovsk Territory in Its Metaphysical Basis. *Periphery. Journal of the Peripheries Studies*. 2024. No. 1 (2). Pp. 52–70. (In Russ.).

12. Zubkov, V. V. Migration Intentions of Residents of the Khabarovsk Territory: Declared the Trend or the Objective Reality. *Power and Administration in the East of Russia*. 2019. No. 2 (87). Pp. 85–92. DOI [10.22394/1818-4049-2019-87-2-85-92](https://doi.org/10.22394/1818-4049-2019-87-2-85-92). (In Russ.).

13. Rybakovsky, O. L. Migration Situation in the Russian Far East at the Beginning of the 21st Century / O. L. Rybakovsky, O. A. Tayunova. *Population*. 2019. Vol. 22. No. 3. P. 4–14. DOI [10.24411/1561-7785-2019-00023](https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00023). (In Russ.).

14. Zorin, D.P. Migration Processes in the Russian Far East: Main Trends, Structure and Consequences / D. P. Zorin, V. A. Medved // *Labour and Social Relations Journal*. 2023. Vol. 34, No. 4. Pp. 159–172. DOI [10.20410/2073-7815-2023-34-4-159-171](https://doi.org/10.20410/2073-7815-2023-34-4-159-171). (In Russ.).

15. Mishchuk, S. N. Institutional Structure for Ensuring Migration Policy in the Subjects of the Far Eastern Federal District. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022. Vol. 18, No. 2. Pp. 151–161. DOI [10.19181/lsprr.2022.18.2.1](https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.2.1). (In Russ.).

16. Bliakher, L. E. Internal Migration as a Political Problem, or Why and How Residents of the Russian Far East Move Out / L. E. Bliakher, K. V. Grigorichev. *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*. 2020. No. 1 (96). Pp. 74–97. DOI [10.30570/2078-5089-2020-96-1-74-97](https://doi.org/10.30570/2078-5089-2020-96-1-74-97). (In Russ.).

17. Vashchuk, A.S. The Policy of Attracting Foreign Labor Migrants to the Russian Far East: Between the Pragmatic Course and the Security Strategy (Late XX – Early XXI Centuries). *Ojkumena. Regional Researches*. 2019. № 4 (51). Pp. 122–134. DOI [10.24866/1998-6785/2019-4/122-134](https://doi.org/10.24866/1998-6785/2019-4/122-134). (In Russ.).

18. Mishchuk, S. N. General Characteristics and Regional Differences of Migration Processes in the Far East of Russia in the Post-Soviet Period. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya ge-ograficheskaya*. 2019. No 6. Pp. 53–67. DOI [10.31857/S2587-55662019653-67](https://doi.org/10.31857/S2587-55662019653-67). (In Russ.).

19. Kashnitsky, I. S. The Effect of the 2011 Statistics Reform on the Estimations of Youth Migration Intensity: A Cohort-Component Analysis. *Demographic Review*. 2017. No. 4 (1). Pp. 83–97. DOI [10.17323/demreview.v4i1.6989](https://doi.org/10.17323/demreview.v4i1.6989). (In Russ.).

20. Mkrtchyan, N. V. Problems in the Statistics of Internal Russian Migration Caused by Changes in Accounting Methods in 2011. *Demographic Review*. 2020. No. 7 (1). Pp. 83–99. DOI [10.17323/demreview.v7i1.10821](https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10821). (In Russ.).

21. Mishchuk, S.N. Migration of Rural Population of the Russian Far East at the Beginning of the 21st Century / S. N. Mishchuk, S. V. Ryazantsev. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2021. Vol. 14, No. 3. Pp. 182–198. DOI [10.15838/esc.2021.3.75.11](https://doi.org/10.15838/esc.2021.3.75.11). (In Russ.).

Bio note

Svetlana. N. Mishchuk, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: svetamic79@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-8117-6352](https://orcid.org/0000-0002-8117-6352); RSCI SPIN code: [4557-0664](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=55646634400); Web of Science Researcher ID: [B-2042-2014](https://orcid.org/B-2042-2014); Scopus Author ID: [55646634400](https://orcid.org/55646634400).

Acknowledgements and financing

The reported study was funded by Russian Science Foundation, Project No. [24-28-01046](https://orcid.org/24-28-01046).

Received on 10.09.2024; accepted for publication on 08.11.2024.

The author has read and approved the final manuscript.